

IX.

**ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЯ ПѢСНИ,
Собранныя въ Вологодскомъ уѣздѣ Николаемъ Ива-
ницкимъ.**

(Этнографическій матеріалъ)

I.

Въ городу то было во Кіевѣ;
И жила была честна вдовушка;
У вдовы-то было девять сыновъ
И десятая дочка милая.
Первы три братца въ короли пошли,
Други три братца въ цари бѣлые,
Третьи три братца во разбойники.
Дочку милую замужъ выдали,
Замужъ выдали за морянина.
Она годъ жила и не плакала,
На второй годъ и не подумала
А на третій годъ порасплакалась.
И стала морянина въ гости звать.
Они день ѣдутъ и другой ѣдутъ,
А на третій день отдыхать сѣли,

Отдыхать сѣли во темномъ лѣсу.
И затеплили теплу теплицу,
Наварили же каши пшеницы.
Тутъ нигдѣ взялись три разбойничка:
И моряника-то зарѣзали,
Моревъеночка въ огонь бросали,
Моревъихоньку во полонъ взяли,
Во полонъ взяли въ нову горницу.

(Пѣсня весьма старинная. Записана въ дер. Яков-
левской, Фетиньинской волости, куда перешла изъ
Самы).

III.

Среди-то поля чистаго,
Среди лугу зеленаго,
Тутъ стояла нова башенка
Высокимъ-то высокошенька.
Что на этой было башенкѣ
Взнесена-то пушка мѣдная;
Что у этой было пушечки
Молодой былъ пушкаторщичекъ.
Заряжаетъ пушкарь пушечку,
Насыпаетъ черна пороху,
Чугунно ядро закатываетъ,
Самъ къ ядру-то приговариваетъ:
Полети ты мое ядренко,
Высокимъ-то высокошенько,
Далекимъ-то далекошенько,
Выше лѣсу по поднебесью,
Ты во слободы нѣмецкія,
Во долки-то королевскія.

Сейчасъ пушечка и грянула;
Посвистѣло туда ядрышко;
Что убило ядро школьничка —
Королевскаго псалмовничка.
Тутъ король стоитъ, задумался,
Королева дочь заплакана.
Говорила я милу дружку,
Сердешному наговаривала:
Не ходи, милой, во слободы,
Ты во слободы нѣмецкія,
Во полки-то королевскіе!
Меня милый не послушался,
Нагонилъ тоску смертельную;
Я со той тоски во гробъ пойду
И, въ знакъ вѣрности, я съ нимъ умру.
(Несвойской волости).

III.

Край дорожки край широкія было Московской,
Тутъ стояла зеленая роща.
Что во этой-то было во рощѣ,
Тутъ стояла зелена елинка,
Распрекрасная въ саду деревинка,
Что на этой было на елинкѣ,
Да на самой было на вершинкѣ,
Тутъ сидѣла птичка, пташка вольная,
Горе-горькая сидитъ кокушка.
Не кокуеть, а все она горюеть,
Жалобнешенько пташка причитаеть,
Подъ елинушку сама взираеть.
Подъ елинушкой лежитъ дѣтинушка,
Не убитъ онъ лежитъ, не застрѣленъ,
Вострымъ копьенцомъ, душа, исколотъ;
Буйная головушка вся испроломана.

Его ноженьки вдоль дороженьки,
Буйная головушка въ часть раки товъ кустъ.
Тутъ возговорилъ душа дѣтинка:
— Ахъ ты матушка моя, елинка!
Опусти-ка ты свое прутье—вѣтъ,
Ты прикрой-ка мое тѣло бѣло,
Чтобы птицы мое тѣло не клевали,
Люты звѣри мое тѣло не терзали,
Чтобы дождичкомъ тѣло не мочило,
Да и солнышкомъ тѣло не сушило.
Тутъ дѣвица къ тѣлу приходила,
Со слезами съ тѣломъ говорила:
— Не ходи-ка ты, милой, ко чужой женѣ,
Потребить тебя злой сердитый мужъ!
(Несвойская волость)

IV.

На горѣ, горѣ
Стояла корчма.
Во этой корчмѣ
Красна дѣвица жила
Торговала дѣвица
Пивомъ да виномъ,
Да сладкимъ медомъ.
Пріѣзжали къ дѣвицѣ
Три купца.
Первой-отъ купецъ—
Съ поля полевецъ;
А другой-отъ купецъ
Изъ града гражданинъ;
Третій-отъ купецъ—
Со Дону казакъ.
Первый купецъ пиль,

Денежки платилъ;
Другой купецъ шилъ
Денегъ не платилъ;
А третій купецъ шилъ,
Да дѣвицу поилъ.
Дѣвицу поилъ,
Да съ собой ее манилъ:
Побѣдѣ-ка, дѣвушка,
Къ взмъ на Донъ!
У насъ на Дону
Не по вашему:
Не ткуть, не прядуть,
Всѣ одѣты живутъ.
Красна дѣвица спилась,
На его слова сдалась.
Вывозили дѣвушку
Съ широка двора.
Съ широка двора
Во чистыя поля;
Изъ чистыхъ полей
Во темные лѣса.
Взяли, привязали
Дѣвушку къ сосенкѣ;
Зажигали сосенку
Снизу до верху.
Сосенка горитъ,
Красна дѣвица дуритъ:
— Есть-ли кто въ бору, —
Отвяжи меня младу!
Не было въ бору
Кромѣ пастушка,
Да и тотъ помочь
Дѣвицѣ не хотѣлъ.
Сосенка сгорѣла,

Красна дѣвица истлѣла;
Дунуль вѣтерокъ
И развѣяль нецелокъ.

(Несвойская рол.)

V.

Ваня Ключникъ.

Во Москвѣ было у князя у Волконскаго.
Тутъ жяветъ-то поживаетъ Ваня ключничекъ,
Молодыя-то княгини полюбовничекъ.
Ваня годъ живетъ, другой живетъ, князь не вѣдаетъ;
На третій-то на годочекъ князь довѣдался,
Черезъ ту-ли черезъ дѣвушку черезъ сѣнную,
Черезъ сѣнную да черезъ самую послѣднюю
Закричалъ же князь Волконскій зычнымъ голосомъ:
— Ужь вы слуги-ль мои слуги, слуги вѣрные!
Вы сходите, приведите Ваню-ключника!
И сталъ же князь Ванюшу да выспрашивати:
— Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду мою:
Ты который годъ съ княгиней во любви живешь?
На первой-отъ разъ Ванюша не покался.
Онъ выспрашивалъ Ванюшу ровно три часа;
Что и тутъ-то нашъ Ванюша не покался.
Закричалъ-же князь Волконскій громкимъ голосомъ:
— Вы слуги-ли мои слуги, есть-ли вѣрные?
Вы ведите-ка Ванюшу на конюшный дворъ!
Повели-же вѣдь, Ванюшу широкимъ дворомъ.
На Иванушкѣ сибирочка пошумливаетъ;
Александрійская рубашка ровно жаръ горитъ,
Козловы новы сапожки поскрываютъ,
У Иванушка кудеречка разсыпаются,
А идетъ-то самъ Ванюша — усмѣхается.
Привели-же, вѣдь, Ванюшу на конюшный дворъ,
Тамъ и началъ Ванюшеньку наказывати.

Александрійская рубашка съ тѣломъ смѣшана,
Казимилова сибирочка вся изорвана,
Русья кудеречка прирастрепана,
Козловы новы сапожки крови иолные.
Закричалъ же нашъ Ванюша громкимъ голосомъ:
— Ужь ты баринъ-ли нашъ баридъ, ты Волконскій
князь!

Поставлено зелено вино — кто не пьетъ его?
Приготовлены закусочки — кто не кушаетъ?
Какъ у насъ-то со княгиней было пожито,
Виноградныхъ винъ съ княгиней было попито,
Приготовленныхъ закусочекъ покушано!
Закричалъ же князь Волконскій громкимъ голосомъ:
— Вы слуги-ли, мои слуги, слуги вѣрные!
Вы кошайте-ка двѣ ямы, двѣ глубокия,
Становите-ка вы два столба, два высокіе,
Перекладинку кладите вы кленовую,
Привяжите-ка вы петельку шелковую,
И повѣсте тутъ Иванушка измѣнника,
Молодыя-то княгини полюбовника!—
Иванушка во петелькѣ качается,
А княгиня-то во теремѣ кончается.

(Незвойская вол.)

Былина эта весьма распространенная. Нѣсколько вариантовъ ея, записанныхъ въ разныхъ губерніяхъ, напечатаны въ собраніи пѣсенъ Кирѣевскаго, по въ числѣ ихъ Вологодскаго нѣтъ, такъ что настоящій является новымъ дополненіемъ къ извѣстнымъ уже и притомъ отличающимся большею полнотою и лучшимъ складомъ. Слѣдующая былина, какъ замѣтитъ читатель, сложена на ту же тему, что и настоящая, но которая была первообразомъ—предоставляю судить знатокамъ.

VI.

Ужъ ты крапива-ли крапивушка жегучая;
У тебя сѣмечка, крапивушка, стрекучія.
Жилъ я, былъ я, молодець, у короля въ Литвѣ,
Загулялъ я, молодець, къ королю во дворець:
Королева дочь со молодцемъ во любовь жила.
И сталъ добрый молодець упиватися;
Во хмѣлю-то сталъ удалый, похвалятся:
—Что вечеръ-то я, братцы, на сѣняхъ былъ,
Цѣловалъ я, миловалъ королеву дочь.
Тутъ лиха была на молодца своя братья:
Донесли эти рѣчи королю въ уши.
Что на эти-то рѣчи онъ прогнѣвался.
Закричалъ же нашъ король громкимъ голосомъ:
Вы слуги-ли, мои слуги, слуги вѣрные!
Вы копайте-ка двѣ ямы, двѣ глубокія,
Становите-ка вы два столба, два высокіе,
Перекладинку кладите вы дубовую,
Повѣсьте-ка вы петельку шелковую,
Истребите вы Ванюшу прелестника!
(Тамъ-же).

VII.

Ужъ никто про то не знаетъ и не вѣдаетъ,
Что куда нашъ государь собирается.
Собирался государь во Бендеръ городъ.
Отдаетъ же онъ приказъ по всѣмъ своимъ полкамъ:
Чтобы всѣ наши солдаты во исправности были,
Чтобы ружья и штыки были вычищены,
Чтобы порохъ былъ на полкахъ, кремни были остры.
Отправлялись всѣ солдаты подъ Бендеръ городъ.
Ужъ мы первой разъ напали — не видали ничего;
Во второй-отъ разъ палали — только дымъ идетъ:

Ужъ мы третій разъ палили — загорался нашъ Бен-
деръ.

Выходили за ворота обыватели,
Вывосили золоты елючи на блюдечкѣ.
Пощадите нашихъ женъ и малыхъ дѣтушекъ!
(Тамъ-же).

VIII.

Не бушуйте вѣтры холодныя,
Не спѣши зима съ морозами —
Не защита вы Очакову,
Не спасенье вы врагамъ нашимъ!
Сыны храбрые россійскіе
Презираютъ ваши лютости.
Въ нихъ сердца горятъ любовію
Ко прехраброму начальнику,
Ко премудрѣйшей нашей матерѣ.
Какъ возговорилъ тутъ Потемкинъ князь:
— Ужъ вы гой еси, солдатушки!
Намъ пришло время воевать идти,
Часъ приблизился луну сорвать! —
Тутъ возговорили солдатушки:
— Ужъ ты гой еси Потемкинъ князь!
Ты рукой махнешь — Очаковъ нашъ,
Слово вымолвишь — луну сорвемъ.
Мы пойдѣмъ съ тобой въ огонь въ полымя,
Мы пройдемъ всѣ подземны пропасти,
Мы за матушку Государыню,
Мы за землю нашу русскую.
(Тамъ-же).

IX.

Какъ у насъ то было на святой Руси,

Въ славномъ городѣ было Питерѣ,
Въ Петропавловской было крѣпости,
Тутъ-то сидятъ удалы добры молодцы;
За одно они думу думали,
Однѣ рѣчи они говорили:
— Вы подуйте-ка, вѣтры буйные,
Вы снесите-ка съ горъ желты пески,
Съ горъ желты пески, съ гробовой доски.
Ты возстань-ка, возстань, наша матушка,
Благовѣрная Государыня,
Катерина свѣтъ Алексѣевна!
Осмотри-ка ты свою армію,
Осмотри-ка ты свою гвардію
И любимый полкъ Семеновской.
У насъ служба-то перемѣнена;
Всѣ начальники стали грозные,
А полковнички безтолковые,
Государь-то сталъ прогнѣванный,
Мы солдатушки, въ крѣпости сидимъ.
(Тамъ же).

Эта былина сложена, очевидно, въ царствованіе Императора Павла Петровича. Нѣсколько вариантовъ ея напечатаны также въ сборникѣ Кирѣевского.

X.

Во Парижѣ было славномъ городѣ,
Во Парижской было крѣпости;
Тутъ сидитъ, сидитъ невольничекъ—
Россійскій князь Петръ Николаевичъ.
Онъ по темницѣ похаживаетъ,
Табаку трубку раскуриваетъ
И печальну пѣсню сказываетъ

Про свою-ли участь горе-горькую:
Ты таланъ-ли мой, таланъ такой,
Ужь ты участь-ли моя горе-горькая,
Ты надолго мнѣ досталася,
Ото младости до старости,
До сѣдой моей бородушки,
До старой моей головушки.

(Тамъ-же).

XI.

Вились, вились кудеречка,
Вились кудри, завивались;
Что слышали кудеречка
Про себя бѣду несчастіе —
Поголовное солдатствіе
Пристоялъ я рѣзвы ноженъки
На солдатскомъ караулѣ,
Примахаль я бѣлы рученьки
За солдатскими ружьями,
Пригнело наши головушки
Солдатскими киверами.
Что задумаль добрый молодець
Съ караулу-то бѣжати.
Бѣжалъ, бѣжалъ добрый молодець;
Бѣжалъ лѣсомъ — оборвался,
Бѣжалъ полемъ — обмочился,
Бѣжалъ улочкой — торопился.
Прибѣжалъ я, добрый молодець,
На родимую сторонку,
Постучаль я, добрый молодець,
У сторонняго окошка.
—Пусти, пусти, родной батюшка,
Пусти обогрѣться!
Пусти, пусти, родна матушка,

Пусти обсушиться!
Заглянула моя матушка
Да въ стороннее окошко, —
Не пущу тебя я, дитятко,
Не пущу обсушиться,
Не пущу и обогрѣться:
Мы боимся, мило дитятко,
Высшаго начальства,
Пуще мы боимся, дитятко,
Ближняго сосѣда.
Пошелъ, пошелъ добрый молодець,
Самъ заплакалъ.
Не спасибо тебѣ, батюшка, —
Не пустиль ты обогрѣться;
Не спасибо тебѣ, матушка, —
Не пустила обсушиться.

(Тамъ-же).

XII.

Какъ пошла наша Параша
Въ яровое поле жать.
Первый снопь она нажала,
Алой лентой завязала;
Другой-то снопь нажала —
Голубой перевязала;
Что третій снопь нажала —
Чернымъ кантомъ завязала.
Что четвертый снопь нажала
Домой скоро побѣжала,
За ракушку попала.
Что парнишка воровать,
Впередъ дѣвки побѣжалъ;
Вострый ножичекъ точилъ,

Все Паранюшкѣ грозилъ.
Что попалися Парашѣ
Отецъ съ матерью родной:
—Что у тебя, мила Параша
Прирастрепана коса,
Прирастрепана коса,
Да разбиты волоса? анычъ вы
—Родной батюшка,
У меня головушка болить,
Что родная моя матушка,
И вся я не могу.
Что къ вечеру Паранюшка
Во постелюшку слегла,
Ко полуночи Паранюшкѣ
Попа привели,
Что къ утрему Парашенька
Скончалася.
Что у Спаса у Черкеса (?)
Въ большой колоколъ звонять,
Въ колоколъ звонять,
Везуть Пашу хоронять.
Что парнишка воровать
Впередъ Паши забѣжалъ;
Впередъ Паши забѣжалъ.
Да на паперти стоялъ.
Онъ къ Паранѣ подходилъ,
Бѣлый саванъ открывалъ,
Бѣлый саванъ открывалъ,
Въ уста три разъ цаловалъ.
Извини меня, Параша,
Отъ меня ты померла:
Не совсѣмъ хотѣлъ зарѣзать,
Хотѣлъ только пошутить.

(Вологда)

XIII.

Жили два жильца,
Два родные братца:
Семіонъ да Огофонъ,
У Семіона дочь Олена,
У Огофона сынъ Олешка.
Захотѣлося Олешкѣ
Оленку замужъ взять.
Они свата послали,
Тамъ въ глаза имъ наплевали.
Молчи же ты, Оленка,
Допеку-же я тебя!
И пошла наша Олена
На колодець за водой;
А Олешка-то песь —
Онъ догадивъ былъ —
Напередъ забѣгалъ,
За колодець западалъ.
И схватилъ же Оленку
За шелковый поясокъ,
За тонкой животокъ,
И хлопнулъ Олену
О сырую о землю.
Не достанься же, Олена,
Ни мнѣ и никому,
Ни другу моему,
Ни злодѣю моему!

(Несвойская волость).

XIV.

У колодчика было у ключеваго;
Не донской казакъ конюшка поилъ;
Онъ не конюшка поилъ—свою жену губиль,
Ему жонушка жена возмолилася,
Въ праву ноженъку поклонилася:
—Ахъ ты мужъ-ли, мой мужъ, ты донской
казакъ!

Не губи ты меня среди бѣла дня,
Погуби ты меня со полуночи,
Когда всѣ люди спать улягутся,
Малы дѣтушки поразоснятся,
Поразоснятся, меня хватятся.
—Родный тятенька, гдѣ же наша маменька?
—Ваша маменька въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ, подъ окошечкомъ.
—Но обманывай, родный тятенька!
Наша маменька во сыромъ бору,
Во сыромъ бору, за колодиной.
(Несвойская волость).

XV.

Во лѣсу было въ орѣшникѣ;
Тутъ стоялъ, стоялъ вороний конь;
Трое сутки не кормленой былъ,
Недѣлюшку не поенъ стоялъ;
Черкаское сѣдло на бокъ сбиль,
Тесьмянную узду въ грязь втопталъ.
Не въ Москвѣ было, во Питерѣ,
Во мѣщанской славной улицѣ;
Тутъ жена мужа потребила,
Вострымъ ножикомъ зарѣзала;

На ножъ-то сердце выняла,
На булатномъ вострепенулося,
А жена-то усмѣхнулась.
Во холодный погребъ бросила,
Правой ноженъкой притопнула,
Пришла домой, сѣла подъ окошечко,
Правый локоть на окошечко,
Горючія слезы за окошечко.

(Тамъ-же).

XVI.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садику зеленаго
Подымалася погодушка,
Что такая неугожая —
Со вѣтрами да со грозами,
Со великими угрозами.
Что во эту пору времячко
Дочка къ матери поѣхала;
Во лѣсу-то заблудилася,
Горючимъ слезамъ заплакала,
Во слезахъ-то слово молвила,
Да родному распенялася:
Что зачѣмъ же, сударь батюшка,
Выдалъ замужь за разбойника?
Жизнь моя — горе горькое!
Посылають меня молоду
Во самую полночь по воду,
Не обуто, не одѣтую,
По холодную меня, голодную,
Въ это время мужа не было —
Онъ со вечера въ разбой пошелъ,
Ко бѣлу свѣту домой пришелъ.
И послали меня молоду
Отмывать платье кровавое.

Половину платья вымыла,
А другую въ рѣку кинула;
Нашла братцеву рубашечку.
Пришла, мужу распенялася:
Ты за что убилъ братца мнлаго?
— Говорилъ я братцу милому:
Вороти ты справа на-лѣво, —
Въ поворотахъ не послушался
Въ первой встрѣчѣ спуску нѣтутка,
Ни отцу нѣту, ни матери,
А не то что братцу шурина.
(Тамъ-же)

XVII. (Вариантъ предыдущей).

На Дунаѣ (*) дѣвка мылася,
Красотѣ своей дивилася:
Красота-ли моя, красота,
Украшенье лицу бѣлому,
Жениховъ-ли къ тебѣ не было!
Изъ поповъ были поповичи,
Изъ дьяконовъ-то дьяконовичи,
Изъ кушцовъ было купечество.
Что не отдалъ сударь-батюшка
Ни за князи, ни за барина,
Ни за купчика богатаго,
А отдалъ сударь-батюшка
За плута, за разбойника,
За ночнаго подорожника.

(*) Название Дунай, встрѣчающееся часто въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ, не указываетъ вовсе на известную рѣку Дунай, иначе говоря, не есть имя собственное, а нарицательное.

Онъ со вечера коня кормилъ,
Со полуночи съ двора съѣзжалъ.
Ко бѣлу свѣту домой пріѣзжалъ.
— Отворяй, жеза, воротечка,
Выставляй-ка подвороточку.
Ты ступай-ка на Дунай рѣчку,
Полощи да не развертывай.
Половину бѣлья вымыла,
А другую поразвернула —
Рубашечка братца милаго!
(Кубенская волость).

XVIII.

Не летай, не летай,
Мой сизенькой голубокъ,
Не воркуй, не воркуй
Жалобнешенько,
Мнѣ и такъ-то красной дѣвицѣ
Тошнешенько.
Неравно, красна дѣвица,
Соколъ прилетитъ
По за соколъ, дѣвица,
Молодецъ прибѣжитъ.
Я раскину бѣль шатерь
Близъ дорожки, близъ пути,
Гдѣ бы милому пройти,
На конѣ проѣхати;
На конѣ проѣхати,
Во шатерь заѣхати.
Не угодно-ли, молодчикъ,
Я въ головкѣ поищу?
Стала дѣвица искать,
Сталъ молодчикъ засыпать

Какъ проснулся, пробудился—

Анъ и нѣтъ никого:

Ни дѣвицы, ни коня,

Нѣту бѣлаго шатра,

Ни черкаскаго сѣдла.

Миѣ не жаль, не жаль коня,

Не жаль бѣлаго шатра,

Только стыдно и обидно—

Дѣвва парня провела!

(Несвойская волость).

ХІХ.

Въ восемьсотъ первомъ году

Въ Архангельскомъ городу

Тутъ жила стара старушка,

У старушки постоялецъ:

Постоялецъ мой красавецъ,

Превеликой воръ-лукавецъ:

Ѣсть садится—не крестится,

Послѣ съ трубкой веселится.

Во чуланъ баба бѣжала,

Платкомъ ноздри затыкала,

Постояльца проклинала.

Тутъ старуху научили,—

Ко маіору посылали.

Ко маіору приходила

И маіорика просила:

—Ужъ ты батюшка-родитель,

Нашъ поитель и кормитель,

Ты повѣрь бабѣ старухѣ:

Не люблю табашна дужу!

Что маіоринѣ разсудилъ

И старухѣ говорилъ:
Ужъ я знаю ваши нравы, —
Завсегда бабы неправы.
Я васъ знаю, какъ учить —
На работу нарядить!

(Тамъ-же).

XX.

Цв ли, цвѣли цвѣтики,
Да повяли.
Любилъ меня миленькой,
Да покинулъ.
Спокидавши, посмѣялся:
При всемъ-то, при всемъ
При народѣ,
Въ дѣвичьемъ хороводѣ,
Опъ сорвалъ-то, сорвалъ
Аленькой платочекъ,
Да еще-то сорвалъ
Шелковъ поясочекъ;
Еще отнялъ онъ у бѣдня
Изъ рукъ вѣрочекъ.
Въ городѣ-то во Саратовѣ
Дѣвушка гуляла;
Молодаго-то себѣ писаря
Дѣвушка искала:
Астраханскому губернатору
Просьбу сочиняла.
Ужъ ты свѣтъ ли мой
Молодой писарь,
Напиши мнѣ просьбу!
Да пиши ты мою просьбецу,
Пиши поскоряе,

Пиши мою великую,
Пиши покладные.
Астраханскому губернатору
Просьбу подавала:
— Ужь ты, батюшка, Астраханской
Вѣрный губернаторъ!
Ты прими-ка мою просьбецу,
Прими поскорая,
Разсуди-ка мою просьбецу,
Суди по закону.
Не разсудишь моей просьбецы —
Дойду до Сенату!
— Не напрасно-ли красна дѣвица,
На молодца просишь,
Не напрасно-ли красна дѣвица,
Слезы проливаешь?
Никогда-то красно солнышко
Безъ зари не всходить,
А удалый-оть добрый молодець
Безо зву не ходить. —
— Не объ томъ я прошу,
Ваше благородіе,
Что зачѣмъ онъ ходить,
Я объ томъ прошу,
Что зачѣмъ не ходить!
— Не могу же я, красна дѣвица,
Ходить заставить, —
Я могу запретить ходить
А ходить — не заставить!

(Тамъ-ж е).

Николай Ивановичъ.